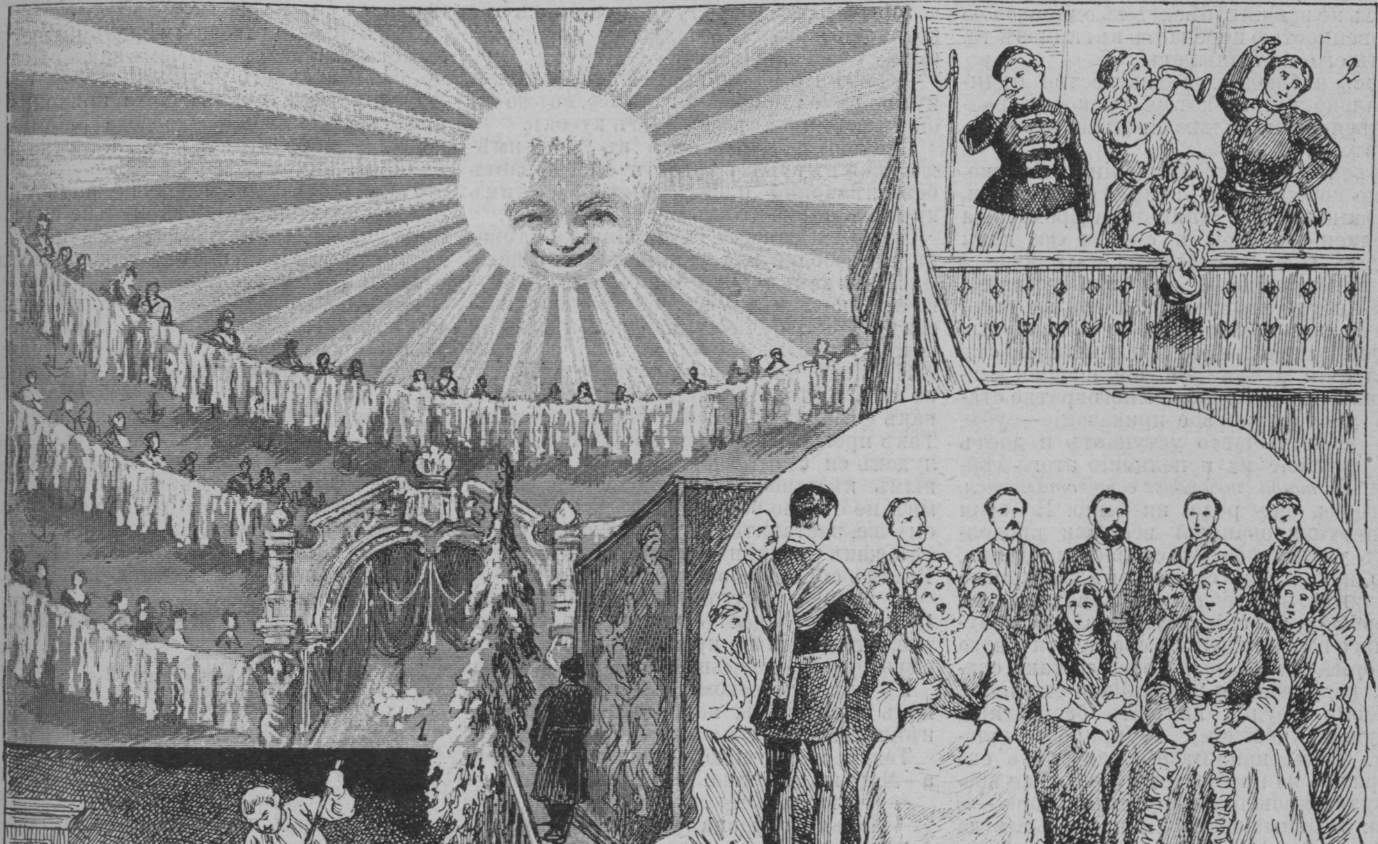
ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 7 Четвергъ, 17 (29) февраля 1900 г. № 7



„Широкая масляница“
въ Маріинскомъ театрѣ, 5 февраля 1900 года.

1) Масляничное небо; общій видъ ложъ. 2) Интермедія масляничныхъ дѣдовъ. 3) Цыганскій хоръ. 4) 5) и 6) Сцены изъ пантомимы „L'enfant prodigue“.

Оригинальный рисунокъ К. О. Брожа. Автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ.

II.

Хотя гипнотическое внушеніе роковымъ образомъ дѣйствуетъ на гипнотика, заставляя его подчиняться всему, что ему внушаютъ, но сказать, что абсолютно каждый гипнотикъ безпрекословно подчиняется приказаніямъ гипнотизатора, какого-бы они рода ни были,—нельзя.

Далеко не всякій гипнотикъ въ гипнотическомъ снѣ тотчасъ исполняетъ приказанія гипнотизатора: одинъ безпрекословно исполняетъ всякія приказанія, другой—послѣ нѣкоторой дрессировки, затѣмъ не всякій субъектъ съ одинаковою откровенностью передаетъ въ гипнозѣ то, о чемъ его спрашиваютъ.

Здѣсь наблюдается множество индивидуальностей, въ которыхъ можетъ разобраться порою только опытный экспериментаторъ.

Субъекты по пробужденіи безпрекословно совершаютъ лишь тѣ дѣйствія, навязанныя имъ гипнотизаторомъ, на исполненіе которыхъ они *во снѣ* дали согласіе. Иногда субъекты, находящіеся въ гипнотическомъ снѣ и получившіе какое-нибудь внушеніе, которое противорѣчитъ ихъ убѣжденію, *во снѣ* спорятъ съ гипнотизаторомъ, отказываясь отъ исполненія этихъ дѣйствій; но если гипнотизаторъ *настойчиво*, многократно станетъ повторять свое приказаніе—субъектъ весьма часто уступаетъ и даетъ свое согласіе на исполненіе этого дѣйствія. *И тогда послѣднее осуществляется*, какого-бы оно рода ни было. Но если загипнотизированный все-таки продолжаетъ упорствовать и согласія не даетъ, то, по пробужденіи своемъ, онъ дѣйствія не исполнитъ; при чемъ иногда наблюдается интересное явленіе: осуществленіе полученнаго имъ внушенія выражается у него въ формѣ *сновидѣнія*, которымъ, такъ сказать, разряжается навязанная ему идея.

Весьма трудно внушить безчестный поступокъ честному по природѣ человѣку. Такъ, напримѣръ, заставить его совершить по пробужденіи кражу, не всегда удается обычнымъ путемъ, говорю—*не всегда*: опытный экспериментаторъ всегда сумѣетъ преодолѣть это препятствіе—сопротивленіе. Онъ тогда прибѣгнетъ къ такъ называемому *косвенному внушенію*.

Этотъ пріемъ весьма интересенъ. Здѣсь экспериментаторъ старается *перехитрить* усыпленнаго, который, во что бы то ни стало, *рѣшилъ* (въ гипнозѣ даже—и то бываетъ) не поддаться внушеніямъ. Гипнотизаторъ, обманувъ бдительность и упорство усыпленнаго,—получаетъ тогда у него согласіе на исполненіе внушенной идеи.

Для большей наглядности подобнаго пріема приведу примѣръ изъ своей практики.

Больная дѣвушка Т., учительница гимназіи, много лѣтъ страдаетъ *идіосинкразіей* къ мясной пищѣ, т. е. отвращеніемъ къ ней. Въ послѣдніе годы болѣзнь у нея осложнилась, и она вообще не могла употреблять твердую пищу. Она питалась молокомъ, бульономъ и проч.

При проглатываніи даже кусочка хлѣба у нея появлялась сильная рвота. Конечно, при такихъ условіяхъ, она была сильно истощена; нужно замѣтить, что при этомъ у ней оставалась одна замѣчательная способность: она совершенно свободно *проглатывала черный хлѣбъ*, намазанный масломъ (и только черный, ржаной, солдатскій), и *яблоко*, и только; при чемъ никакой рвоты у нея отъ этого не бывало. Это обстоятельство давало основаніе думать, что никакихъ органическихъ измѣненій ни въ пищепроводѣ, ни въ гортани у Т. не было, а это лишь одна *истерія*.

И она попала ко мнѣ, какъ паціентка. Находясь въ гипнотическомъ снѣ, она получила отъ меня внушеніе *ѣсть свободно и безболѣзненно*.

Она попыталась ѣсть, но опять наступила рвота. Никакія повторенныя внушенія не подѣйствовали.

Тогда я рѣшился на хитрость: я внушилъ ей, что она не Т. и не учительница, а—Степанида, нянька...

—Вотъ тебѣ, Степанида,—внушаю я ей,—ребенокъ. Ты должна его накормить. Онъ плачетъ, уйми его! —При этомъ я далъ ей въ руку подушку. Спящая, воображающая себя Степанидой, нянькой, беретъ подушку (воображаемаго ребенка) и начинаетъ его убаюкивать; затѣмъ беретъ, по внушенію же, маленькій кусочекъ котлеты, который я ей даю тутъ-же и суетъ эту котлету въ ротъ (въ подушку) воображаемому ребенку.

— Вотъ что, Степанида,—внушаю я ей,—нужно самой попробовать мясо, свѣжо-ли оно? Возьми да съѣшь этотъ кусокъ.

Спящая кладетъ себѣ въ ротъ имѣющуюся въ рукахъ котлетку и... съѣдаетъ безболѣзненно и безъ рвоты. За этимъ кускомъ послѣдовалъ другой и т. д.

Словомъ спящая, какъ нянька Степанида, свободно ѣла хлѣбъ, овощи и даже мясо. Но какъ только она бывало по внушенію обращалась въ собственную персону Т., опять та-же исторія: и боли въ горлѣ, и рвоты.

Я очень часто и надолго оставлялъ ее послѣ этого въ гипнотическомъ снѣ, какъ Степаниду. И *во снѣ* она питалась. Такъ прошло нѣкоторое время. Когда желудокъ ея сталъ окончательно привычнымъ къ давно неупотребляемой пищѣ, мнѣ не стоило большого труда, внушеніемъ-же, заставить ее питаться уже не во снѣ, какъ Степаниду, а наяву, какъ г-жу Т. Такимъ образомъ она была излечена.

А вотъ и другой случай. Дѣвушка 16 лѣтъ страдаетъ сильными истероэпилептическими припадками. Имѣются нѣкоторыя подозрѣнія пагубнаго порока.

Въ гипнотическомъ снѣ я ее допытывалъ объ этомъ, но она отвѣчала полнѣйшимъ невѣдѣніемъ.

Тогда я внушаю ей, что она не Варя, а—Марья Ивановна, гувернантка Вари.

— Кто вы такая?—спрашиваю я спящую.

—Марья Ивановна, гувернантка Вари,—отвѣчаетъ мнѣ спящая дѣвушка.

— Знаете, Марья Ивановна,—вчера я бесѣдовалъ съ родителями Вари,—внушаю я спящей,—они очень недовольны вами. Они винятъ васъ въ недостаточномъ вниманіи къ своей воспитанницѣ. Она все болѣетъ, и васъ они давно уже просили зорко слѣдить за Варей въ теченіе дня и даже ночью во время ея сна... Оказывается, вы этого не дѣлаете... Да къ тому еще ваша разбалованная воспитанница нарочно изъ нелюбви къ вамъ успѣла вооружить свою мать противъ васъ...

— Ахъ, негодница! — возмущенно ругаетъ самое себя спящая Варя.

— Мало того,—родные на домашнемъ совѣтѣ рѣшили при ближайшемъ случаѣ отказать вамъ отъ мѣста.—Куда вы дѣнетесь теперь? Теперь—зима, холодно. Знакомыхъ у васъ нѣтъ.—А ваша старушка мать? Бѣдная, больная она лишится послѣдней поддержки, которую вы ей оказывали...

Слезы полились изъ глазъ спящей Вари, воображающей себя гувернанткой, Марьей Ивановной.

— Единственное спасеніе ваше,—продолжалъ я внушать спящей,—теперь зорко слѣдить за вашей воспитанницей, и ежели вы замѣтите что-либо подозрительное, сейчасъ-же мнѣ объ этомъ сообщите... Тогда вы возбудите къ себѣ въ семьѣ больше довѣрія...

— Исполните это?—спрашиваю я спящую.

— Исполню!—отвѣчаетъ она...

Проходитъ нѣсколько минутъ. Я внушаю спящей, что прошло уже пять дней, и что она успѣла кое-что замѣтить у своей воспитанницы.

— Ну что, Марья Ивановна, замѣтили-ли вы что-нибудь?—спрашиваю я спящую.

— Замѣтила!—отвѣчаетъ она. И тутъ же разсказала мнѣ всѣ подробности, какимъ образомъ Варя заболѣла и болѣетъ... Это мнѣ и нужно было.

Узнавъ всѣ подробности отъ нея, какъ отъ Марьи Ивановны, я внушилъ ей, что *теперь* она уже не гувернантка, а Варя. Затѣмъ я сталъ дѣлать ей нужныя внушенія въ подходящей формѣ.

Внушенія оказали на Варю благотворное дѣйствіе. Она вполнѣ выздоровѣла, прежніе страшные припадки совершенно исчезли.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ читатель можетъ заключить, въ чемъ заключается пріемъ косвеннаго внушенія.

Для успѣха очень часто приходится прибѣгать къ подобнаго рода пріемамъ, чтобы „перехитрить“ загипнотизированнаго.

Такимъ образомъ можно внушить А., человѣку безусловно честному и не способному на преступленіе, что онъ не А., а другое лицо—Б. съ нестойкими понятіями о чести и нравственности.

Конечно, Б. легко можетъ согласиться на исполненіе безчестнаго поступка и дастъ свое согласіе; а разъ послѣднее дано, то поступокъ уже будетъ совершенъ имъ „наяву“, либо *въ первомъ состояніи*, либо—*во второмъ*, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей статьи т. е. либо онъ, какъ Б., постарается *найти мотивъ* къ исполненію *наяву* этого дѣйствія, либо онъ, какъ А., совершитъ это дѣйствіе въ *самопроизвольномъ гипнозѣ*, въ состояніе котораго онъ впадетъ на тотъ моментъ, который ему необходимъ для исполненія этого дѣйствія.

О. И. Фельдманъ.

Рабочій Парижъ.

Очеркъ парижской жизни.

Еще два мѣсяца,—и французская столица будетъ наводнена иногородними и иностранными посѣтителями. Они начнутъ стекаться сюда сотнями тысячъ подъ предлогомъ всемірной выставки, но главнымъ образомъ съ цѣлью позабавиться и повеселиться на прославленный парижскій ладъ. Вдосталь погулявъ и до пресыщенія вкусивъ запретныхъ для нихъ на родинѣ плодовъ, они разъѣдутся по домамъ, разнося повсюду и безъ того широко-распространенную дурную славу про Парижъ. Это будетъ съ ихъ стороны неблагодарностью и несправедливостью, но это будетъ въ порядкѣ вещей. Нельзя будетъ, дѣйствительно, ожидать отъ выставочныхъ посѣтителей большей наблюдательности и сообразительности, чѣмъ отъ тѣхъ путешественниковъ, которые прибываютъ сюда въ обыкновенное время и, изучая только отдѣлъ зрѣлищъ и увеселеній, считающихся не совсѣмъ основательно спеціальностью Парижа, распространяютъ затѣмъ самыя превратныя мнѣнія о „столицѣ міра“. Эти путешественники знакомятся съ Франціей изъ вагона желѣзной дороги, а спеціально съ Парижемъ—не сходя съ большихъ бульваровъ или не покидая южнаго склона Монмартрской горы. И нечего разсчитывать, чтобы выставочные посѣтители имѣли время и охоту заходить дальше этого обыкновеннаго поля наблюденій туристовъ.

А между тѣмъ, какой великій интересъ представлялъ бы для нихъ настоящій Па-

рижъ съ настоящими парижанами, которые имѣютъ такъ мало общаго съ увеселительными учрежденіями большихъ бульваровъ и Монмартра, существующими, главнымъ образомъ, для туристовъ,—Парижъ умственнаго и физическаго труда, тотъ Парижъ, который мало участвуетъ въ созиданіи парижской моды, но который зато дѣлаетъ французскую исторію! Но съ настоящимъ Парижемъ ознакомиться нѣсколько труднѣе, чѣмъ найти въ бульварномъ кафе собутыльниковъ обоего пола и войти, такимъ образомъ, въ духовное общеніе съ Парижемъ тунеядства, праздношатайства и разврата. И потому-то туристы больше льнутъ къ послѣднему: знакомство съ нимъ и легче, и пріятнѣе.

Предо мною двѣ брошюры. Одна представляетъ старый номеръ правительственной газеты „Journal officiel“ съ отчетомъ рабочаго департамента министерства торговли и промышленности (office du travail) о работахъ и рабочихъ въ Парижѣ, другая является англійскимъ повѣствованіемъ нѣкоего малоизвѣстнаго писателя Джона Ропинга, которое излагаетъ, какъ это значится, въ самомъ заголовкѣ, „парижскія впечатлѣнія англійскаго туриста“. Сопоставленіе этихъ двухъ брошюръ очень любопытно. Первая краснорѣчивыми цифрами лучше всякихъ словъ отдаетъ справедливость Парижу, вторая-же, полная всякихъ вздорныхъ разсужденій и неосновательныхъ аргументовъ, представляетъ сплошную клевету на французскую столицу. Джонъ Ропингъ—одинъ изъ тѣхъ за-ламаншскихъ туристовъ, которые часто наѣзжаютъ въ Парижъ, чтобы поразвлечься отъ постной англійской жизни и „оскоромиться“, а затѣмъ, вернувшись домой, съ добродѣтельнымъ негодованіемъ кричатъ о парижскомъ распутствѣ—и именно на основаніи впечатлѣній, лично испытанныхъ въ такихъ увеселительныхъ учрежденіяхъ, какъ „Красная Мельница“ упреки этихъ самозванныхъ цензоровъ представляютъ сущую напраслину. Французская столица находится въ положеніи богато одаренной отъ природы молодой женщины, которая является жертвой постоянныхъ сплетенъ и пересудовъ. Если наслушаться сплетенъ, можно и въ самомъ дѣлѣ принять эту кокетливую и граціозную особу за женщину легкихъ нравовъ, но стоитъ только ближе ознакомиться съ ея домашней жизнью, чтобы убѣдиться, что она, прежде всего, серьезная и степенная хозяйка. Она оказываетъ широкое гостепріимство посѣтителямъ и предоставляетъ имъ полную свободу въ пріемныхъ комнатахъ своего дома, но во внутреннихъ покояхъ она ведетъ чистую и регулярную жизнь, требуя и отъ своихъ домашнихъ трудолюбія, бережливости и разумнаго распредѣленія времени.

Настоящій Парижъ представляется, дѣйствительно, совсѣмъ другимъ добросовѣстному и проницательному наблюдателю. Подальше отъ большихъ бульваровъ, на улицахъ снуетъ по всѣмъ направленіямъ дѣловой народъ, но фланеровъ и зѣвакъ на нихъ уже не встрѣтишь. Кафе въ рабочіе часы тамъ пустуютъ, но переполняются рабочимъ людомъ отъ двѣнадцати до часа; тогда и на улицахъ кишмя-кишитъ народъ, расходящійся позавтракать и передохнуть отъ работы. Особенно оживленно бываетъ на улицахъ также въ часы прихода и ухода съ работъ. Но вечеромъ на нихъ почти пусто, а въ кафе замѣчается очень мало женщинъ, такъ какъ парижанки не меньше берлинокъ или вѣнокъ заняты своимъ хозяйствомъ.

Спору нѣтъ, парижане, въ общемъ, можетъ быть больше веселятся, чѣмъ жители другихъ европейскихъ столицъ, но это вовсе не потому, что они больше склонны къ праздности, а напротивъ, именно потому, что они больше и работаютъ и что развлеченіе имъ необходимо

Этотъ отчетъ, прежде всего, указываетъ, что въ Парижѣ насчитывается до 1,300 отдѣльныхъ профессій, что показываетъ крайнее раздѣленіе труда—залогъ его постояннаго усовершенствованія. Самыя многочисленныя группы представляютъ работницы, занятыя костюмами, шляпами, обувью. Ихъ свыше 250.000 человѣкъ. Портнихъ въ Парижѣ около 96,000, модистокъ 11 тысячъ, корсетницъ—4 тысячи, сапожницъ — 26 тысячъ, бѣлошвеекъ и прачекъ—60 тысячъ, спеціалистокъ вышиванія, искусственныхъ цвѣтовъ и перьевъ—33 тыс. и т. д. Десять тысячъ ювелировъ слѣдуетъ отнести къ тѣмъ профессіямъ, которыя интересуютъ дамъ. Далѣе, Парижъ все больше расширяется и улучшаетъ свой комфортъ; это объясняетъ, что здѣсь работаетъ постоянно до 150 тысячъ землекоповъ, каменьщиковъ, кровельщиковъ и плотниковъ; на время выставки ихъ число, вѣроятно, удвоилось. Въ Парижѣ имѣется 663 булочныя, 2,400 мясныхъ лавокъ, 445 колбасныхъ; въ нихъ работаетъ свыше 25 тысячъ человѣкъ. Въ гостиницахъ, ресторанахъ и кафе служитъ и работаетъ сотня тысячъ человѣкъ. Извозчиковъ и кучеровъ омнибусовъ и конокъ насчитывается 30 тысячъ и столько-же желѣзнодорожныхъ служащихъ. Сто тысячъ человѣкъ служитъ въ магазинахъ и полсотни — въ конторахъ и банкахъ. Двадцать двѣ тысячи народа работаетъ при типографіяхъ. Двѣсти тысячъ имѣется домашней прислуги. Переходя къ такъ называемымъ, либеральнымъ профессіямъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ Парижѣ работаютъ 5,000 литераторовъ и журналистовъ, 360 музыкальныхъ композиторовъ, 1,006 скульпторовъ, 5,000 живописцевъ, 1,800 драматическихъ артистовъ, 3,778 артистовъ лирическихъ, 2,602 музыканта и 364 танцовщицы. Далѣе въ столицѣ насчитывается 2,683 доктора (77 женщинъ-врачей), 2,481 адвокатъ, 1,145 дантистовъ, 3,193 фармацевта, 3,106 архи-

Петербургъ-Трансвааль.

Только что выпущенъ подъ этимъ названіемъ альбомъ, изданный голландскимъ комитетомъ для помощи раненымъ бурамъ. Изящная тетрадь состоитъ изъ 33 листовъ, связанныхъ оранжевымъ шелковымъ шнуркомъ. Благодаря этому можно выдѣлить каждую страницу. Мы воспроизводимъ здѣсь заглавную страницу альбома—кисти извѣстнаго художника С. С. Соломко. Хорошо исполненная въ краскахъ, она интересна и по замыслу. Чуткому сердцу много говоритъ эта красивая женская фигура, вся въ бѣломъ, держащая пальмовую вѣтвь и протягивающая миртовую надъ тремя бѣлыми лиліями, выросшими изъ земли, обагренной кровью съ меча, лежащаго тутъже. Картина С. В. Животовскаго „Заря мира“ изъ того же альбома напоминаетъ всѣмъ о Гагской конференціи и Августѣйшемъ иниціаторѣ ея. На слѣдующихъ листахъ альбома — автографы и портреты выдающихся дѣятелей литературы, искусства, общества и оригинальные рисунки русскихъ художниковъ, вложившихъ свою лепту въ доброе дѣло. Альбомъ изданъ отлично и можетъ служить образчикомъ современнаго русскаго печатнаго искусства.

На послѣдней страницѣ — „Сердечное спасибо“ русскому

ной дѣйствительности въ міръ идеаловъ и убѣждаетъ, что сколько бы люди ни были поглощены заботами о насущномъ хлѣбѣ, для нихъ, въ минуты душевнаго подъема, доступно и все великое, и святое“.

Голландскій комитетъ для оказанія помощи раненнымъ бурамъ.

Предсѣдатель комитета пасторъ *Гиллотъ.*

Русско-шведская научная экспедиція.

Конецъ XIX вѣка ознаменуется однимъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ предпріятій столѣтія:—мы говоримъ о русско-шведской экспедиціи по градусному измѣренію на островахъ Шпицбергена.

Уже давно ученые работаютъ надъ опредѣленіемъ фигуры и размѣровъ земли, которую сначала принимали за шаръ. Градусныя измѣренія, произведенныя съ этою цѣлью въ разныхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта, показали, что длина градусовъ меридіановъ въ разныхъ мѣстахъ неодинакова: она увеличивается по направленію отъ экватора къ полюсамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что земля у полюсовъ сжата. Шпицбергенская экспедиція имѣетъ главной задачей опредѣлить размѣръ этого сжатія, которое до сихъ поръ принималось приблизительно за 1/300

или на 20 верстъ. Выборъ для производства градуснаго измѣренія палъ на Шпицбергенъ, потому что эти острова лежатъ всего въ 9 градусахъ отъ сѣвернаго полюса, а такъ какъ земное сжатіе ярче всего сказывается у полюсовъ, то градусное измѣреніе на Шпицбергенѣ представитъ новыя данныя для сужденія о величинѣ этого сжатія. Наше правительство ассигновало на нужды экспедиціи 100 тыс. руб. Для снаряженія экспедиціи и разработки ея программы при императорской акаде-

Капитанъ Ергомышевъ, командиръ „Бакана“.

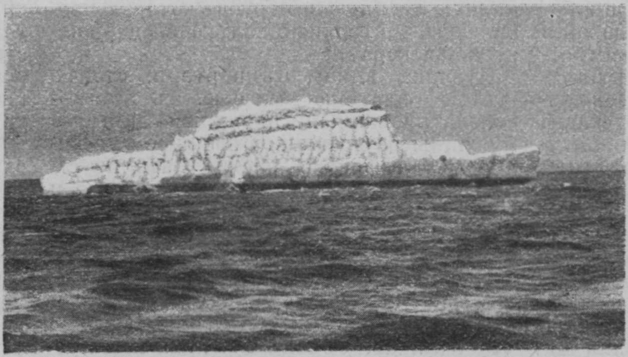
Капитанъ Сергіевскій. Поручикъ Кнорринъ. Д-ръ Бунге.

Академикъ Чернышевъ. Баронъ де-Геръ.

Русско-шведская научная экспедиція на Шпицбергенъ.

міи наукъ въ 1898 г. была образована комиссія изъ выдающихся ученыхъ. Русская и шведская комиссіи для совмѣстнаго обсужденія программы экспедиціи много разъ собирались то въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента императорской академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, то въ Стокгольмѣ, подъ предсѣдательствомъ шведскаго кронпринца Густава.

Въ маѣ прошлаго года экспедиція была готова къ отплытію. Въ распоряженіи русскихъ были: транспортъ „Баканъ“, „Ледоколъ Второй“ Либавскаго порта и частный шведскій пароходъ „Бетти“; шведы имѣли два судна. Въ составъ зимующихъ участниковъ экспедиціи вошли: начальникъ экспедиціи капитанъ генеральнаго штаба, геодезистъ Д. Д. Сергіевскій, завѣдывающій хозяйственной частью экспедиціи, извѣстный знатокъ полярныхъ странъ, докторъ медицины А. А. Бунге, астрономы: гг. Васильевъ, Сикора и Ахматовъ, метеорологъ А. Р. Бейеръ, механикъ г. Ганъ и 12 матросовъ. На лѣтнее время, кромѣ того, отправились на Шпицбергенъ директоръ Пулковской обсерваторіи академикъ О. А. Баклундъ, академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ, помощникъ директора главной физической обсерваторіи Э. В. Шмеллингъ, зоологъ А. А. Бялыницкій-Бируля, астрономы гг. Педашенко и Ганскій и студентъ-натуралистъ О. О. Баклундъ. Сверхъ того въ лѣтнихъ работахъ русской экспедиціи принимали участіе: шведскій профессоръ геологіи баронъ Ж. Л. де-Геръ и топографъ—шведскій поручикъ О. О. Кноррингъ.



Ледяная гора, стоящая на мели на глубинѣ 27 саж. въ Стурфіордѣ.

Военный транспортъ „Баканъ“, на долю котораго выпала честь служить задачамъ русской ученой экспедиціи, плаваетъ подъ командой капитана 2-го ранга К. Л. Ергомышева.

15 мая прошлаго года „Баканъ“ вышелъ изъ С.-Петербурга и направился прямо въ Стокгольмъ, а 13 іюня соединенная эскадра русскихъ судовъ, съ „Баканомъ“ во главѣ, снялась съ якоря въ Тромзе и направилась къ берегамъ Шпицбергена.

„Баканъ“
среди полярныхъ льдовъ.

Русскій лагерь на Шпицбергенѣ.—Д-ръ А. А. Бунге, Э. В. Шмеллингъ и А. Р. Бейеръ производятъ наблюденія. 29 мая 1899 г. температура наружнаго воздуха +2,4. Дождь и туманъ.

Въ программу экспедиціи входитъ кромѣ главной задачи—градуснаго измѣренія—всестороннее изученіе Шпицбергена: метереологическія, магнитныя и физическія наблюденія (изученіе сѣверныхъ сіяній), гидрологическія, геологическія, зоологическія, ихтіологическія и ботаническія изслѣдованія.

Трудно работать на Шпицбергенѣ. Инструменты, палатки, провіантъ и т. п. приходилось тащить по каменнымъ розсыпямъ и по льду, часто при весьма значительныхъ уклонахъ. Единственнымъ способомъ сушить бѣлье часто было—спать, не раздѣваясь, въ спальномъ мѣшкѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что на Шпицбергенѣ часто свирѣпствуютъ вѣтры, бури, штормы, какіе бываютъ только въ полярныхъ странахъ.

Изъ береговъ острова Шпицбергена самый доступный западный; восточный обложенъ льдинами. Шпицбергенъ совершенно необитаемъ, да это и понятно. Внутренняя часть острова покрыта льдомъ и снѣгомъ; на окраинахъ—изъ моря возвышаются горныя породы, преимущественно, гранита; естественно, что здѣсь немыслимо существованіе человѣка. Островъ одно время причислялся къ англійскимъ владѣніямъ; теперь онъ не имѣетъ хозяина и, должно быть, никогда его и имѣть не будетъ, такъ какъ онъ ничего не производитъ. На Шпицбергенѣ только охота можетъ доставить извѣстный доходъ. Сюда приходятъ многія суда исключительно для ловли бѣлуги; здѣсь-же охотятся на тюленей, моржей и оленей, однако послѣдніе и медвѣди все болѣе уходятъ вглубь острова, такъ что охотникамъ, несмотря на настойчивые поиски, рѣдко удается не только настигать ихъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, но и видѣть вообще. Когда-то на Шпицбергенѣ былъ климатъ южной Европы, тамъ росли буковые, дубовые и березовые лѣса. Слѣды такой богатой растительности встрѣчаются еще и въ настоящее время. Согласно изслѣдованія научныхъ экспедицій, на островѣ имѣется 123 рода растеній изъ классовъ цвѣтковыхъ и тайнобрачныхъ, что свидѣтельствуетъ объ очень богатой флорѣ острова, въ сравненіи съ другими арктическими странами, лежащими подъ той же широтой. Флора Шпицбергена вполнѣ соотвѣтствуетъ его климатическимъ условіямъ. Она требуетъ мало теплоты и въ состояніи переносить морозы въ самое теплое время года, такъ какъ даже во время краткаго лѣта температура значительно понижается вслѣдствіе постоянныхъ тумановъ, передвиженія огромныхъ льдинъ на морѣ и покрытія льдомъ внутреннихъ частей острова. Не менѣе интересна, чѣмъ флора—морская фауна западнаго берега Шпицбергена. Богатство морскихъ животныхъ здѣсь заключается не столько въ количествѣ разныхъ родовъ, которыми отличаются воды южныхъ широтъ, сколько въ многочисленности отдѣльныхъ экземпляровъ. Каждый родъ имѣетъ безчисленное число своихъ представителей. Въ особенности это замѣтно на одной изъ категорій изъ слизняковъ или молюсковъ, причисляемыхъ къ роду крылатокъ. Маленькія животныя съ чудной темно-фіолетовой окраской, равномѣрно двигаясь, плаваютъ огромными массами на морской поверхности.

Къ 17 августа работы рекогносцировочной партіи въ Стурфіордѣ и на двухъ сигналахъ—геодезическія были закончены, а 18 всѣ суда и участники нашей экспедиціи были уже въ гавани Гоесъ. Къ этому времени на мѣстѣ зимовки, благодаря энергіи доктора Бунге и усердію финскихъ мастеровъ, выросъ цѣлый поселокъ: домъ и обсерваторіи были готовы.

По случаю открытія русскаго поселка 28 августа было устроено торжество: отслуженъ молебенъ, на флагштокѣ взвился русскій флагъ; „Баканъ" салютовалъ 21 выстрѣломъ, суда разукрасились флагами; докторъ Бунге угостилъ обѣдомъ, состоявшимъ исключительно изъ консервовъ, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ.

29 августа суда наши съ участниками, возвращавшимися въ Россію, покинули Шпицбергенскія воды, оставивъ въ Горнзундѣ коротать 4-хъ мѣсячную ночь и 9-ти мѣсячную зиму тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые будутъ производить наблюденія и измѣренія.

Отрѣзанные отъ всего остального міра до будущаго лѣта, они живутъ одной мыслью—сдѣлать все возможное на пользу науки.

20 февраля „Баканъ" направится къ Мурманскому берегу для охраны русскихъ промысловъ и затѣмъ, въ началѣ іюня, снова пойдетъ къ Шпицбергену, гдѣ его будутъ съ нетерпѣніемъ ждать наши отважные ученые.

„Широкая масляница".

(Къ рис. на стр. 49).

Сильно трещитъ морозъ. Съ блѣдно-голубого неба, усѣяннаго милліонами звѣздъ, глядитъ серебристый мѣсяцъ. Съ луннымъ свѣтомъ споритъ электрическій свѣтъ фонарей у Маріинскаго театра. „Ваньки" сбились въ тѣсную кучу. Они и лошадки ихъ заиндевѣли. На облучкѣ сидѣть холодно. Приходится выплясывать на мерзлой землѣ, чтобы немного согрѣться.

А за стѣною, въ театрѣ, тоже съ вышины, съ холщевого лазурнаго неба, улыбается уморительно-нарисованный мѣсяцъ. И здѣсь кругомъ горятъ электрическіе фонари и лампочки и освѣщаютъ громадную ледяную пещеру, въ которую превращенъ зрительный залъ, благодаря искусной декораціи.

Публика внизу, въ партерѣ, стоитъ густою плотною массою. Въ толпѣ—декольтированныя нарядныя дамы, и мужчины во фракахъ, а военные въ мундирахъ. Эффектно раскинулись ярусы ложъ, въ которыхъ много красивыхъ и разодѣтыхъ женщинъ, много элегантныхъ статскихъ и блестящихъ гвардейцевъ.

Блестятъ глазки, горятъ брилліанты, сверкаютъ блестки модныхъ туалетовъ.

Въ толпѣ говоръ и жужжаніе. Пробила уже полночь, съѣздъ публики все продолжается, людское море разливается по партеру, по ярусамъ, наводняетъ всѣ мѣста, откуда можно видѣть все происходящее въ залѣ.

Въ подражаніе масляничной публикѣ на Семеновскомъ плацу, и здѣсь густая толпа зрителей толпится у походнаго балагана.

Въ интермедіи масляничныхъ дѣдовъ принимаютъ участіе гг. Шевченко и Шаповаленко и гг. Давыдовъ и Варламовъ. Послѣдніе два въ женскихъ костюмахъ представляли дивъ балаганной карусели. „Дѣды" прохаживаются насчетъ буровъ, англичанъ, онколей, „дивы" пляшутъ, трубятъ въ трубу, кто-то пробуетъ гармонику.

Публику еще не расшевелили. Кое-гдѣ слышенъ смѣхъ, но это только застрѣльщики. Занавѣска упала, но зрители не двинулись съ мѣстъ. Только у ледяныхъ гротовъ, внизу, гдѣ можно было получить бокалъ шампанскаго и въ придачу милую улыбку Наяды, стало тѣснѣе и оживленнѣе.

Раздавшіеся апплодисменты снова обратили вниманіе публики на сцену. Балаганъ испарился. На авансценѣ сидѣлъ пестрый цыганскій хоръ изъ артистовъ императорскихъ театровъ. Центръ занимали гг. Давыдовъ и Варламовъ въ цыганскихъ женскихъ костюмахъ. Тоскливыя цыганскія пѣсни даже въ исполненіи гг. Фигнера и Яковлева приняты неохотно. Но вотъ раздались разудалые звуки романса—„Чудо, чудо, чудеса", въ лихомъ исполненіи солистки Его Величества г-жи Фигнеръ. Публика сразу ожила. Апплодисменты стали громче. Повѣяла живая струя. А тутъ еще талантливый комикъ Александринскаго театра г. Варламовъ забавно и съ экспрессіею запѣлъ „Чертенка" и пустился въ плясъ съ г. Давыдовымъ. Скука и апатія ушли. Смѣхъ, оживленіе пришли имъ на смѣну.

Стало жарко и душно. Плотная масса стала раздаваться. Стадность сказалась и здѣсь. Стоило нѣкоторымъ двинуться въ корридоръ, какъ за ними повалили и остальные.

Толпа стремилась въ фойе. Убранное тропическими растеніями, залитое электричествомъ съ кіосками для шампанскаго съ хорошенькими продавщицами, оно выглядѣло эффектно. Въ одномъ изъ угловъ наигрывалъ оркестръ балалаечниковъ. Попасть въ фойе было нелегко черезъ непроницаемую толпу, запрудившую лѣстницы.

А тутъ звонокъ звалъ публику обратно въ залу. Въ балаганѣ разыгрывается пантомима "L'enfant prodigue". Г. Варламовъ—расточительный ребенокъ. Онъ влюбленъ въ прачку, недавнюю юбиляршу г-жу Савину, которая любитъ его и любитъ тоже и г. Ге. Гг. Давыдовъ и Варламовъ (опять они!) ложатся спать. Ихъ обсыпаютъ громадные клопы, которыхъ они давятъ. Тѣ издаютъ пискъ. Элегантная публика смѣется. Балерины пляшутъ.

Въ фойе флиртъ и маскарадная интрига въ полномъ разгарѣ. Вездѣ парочки. Кое-гдѣ мелькаетъ то черное, то цвѣтное домино. Шумъ и оживленіе достигаютъ своего апогея. По лѣстницамъ тянется широкая цвѣтная лента нарядной публики, двигаясь черепашьимъ шагомъ. Въ толпѣ слышны шутки и смѣхъ. Въ залѣ стало свободнѣе. Мѣсяцъ съ потолка широко улыбается, и физіономія его становится еще уморительнѣе. Тѣснота и давка говорятъ о хорошемъ сборѣ.

Четвертый часъ утра. Сквозь замерзшія окна глядится сѣдая мгла морозной ночи. Грандіозный праздникъ, устроенный русскимъ театральнымъ обществомъ, подходитъ къ концу. Гостямъ пора уходить. Разъѣздъ шумный. На площади еще болѣе побѣлѣвшіе „ваньки", какъ дикіе, налетаютъ на сѣдоковъ, забираютъ и развозятъ публику, уносящую съ собою пріятное впечатлѣніе о фантастичной и интересной „широкой масляницѣ".

Трагическая судьба эрцгерцогини.

Счастье матери, покупаемое цѣною несчастія дочери,—это сюжетъ, довольно часто разрабатывавшійся французскими романистами, но когда такой романъ разыгрывается въ дѣйствительной жизни, то онъ становится глубокой трагедіей, въ которой на долю героевъ ея выпадаютъ жгучія страданія. На этотъ разъ интересъ трагедіи усиливается еще тѣмъ, что героевъ ея жизнь избрала изъ среды, для насъ малодоступной, окруженной таинственнымъ ореоломъ. Наслѣдная принцесса австрійская эрцгерцогиня Стефанія вышла замужъ за графа Лоніая, вышла по влеченію своего сердца, но разбила этимъ сердце своей дочери эрцгерцогини Елизаветы.

При австрійскомъ дворѣ принцы и принцессы обыкновенно воспитываются подъ наблюденіемъ чужестранныхъ воспитателей. Эрцгерцогиню Елизавету чуть ли не со дня рожденія удалили отъ матери и помѣстили въ отдѣльный фли-

гель вѣнскаго гофбурга. Любимица императора Францъ-Іосифа, она была предметомъ восторженнаго поклоненія для всѣхъ придворныхъ, но послѣ трагической кончины ея отца, кронпринца Рудольфа, положеніе ея сразу измѣнилось. На нее стали косо поглядывать, отъ нея отворачивались; въ концѣ концовъ перестали ее замѣчать и забыли объ ея существованіи. Въ то время на наслѣдную принцессу Стефанію смотрѣли, какъ на эцгерцогиню, уже спѣвшую свою пѣснь при вѣнскомъ дворѣ. Ея возвращеніе на родину въ Бельгію считалось лишь вопросомъ времени. Она и сама, чувствуя себя покинутой, твердо рѣшила вернуться въ родительскій домъ, но оставалась въ Вѣнѣ лишь по просьбѣ самого императора, всегда цѣнившаго ея добродѣтели и выказывавшаго ей особенное милостивое вниманіе. Такъ прошли первые годы ея вдовства. Эрцгерцогинѣ, свыкшейся съ мечтой когда-нибудь стать императрицей австрійской и королевой Венгріи, трудно было примириться съ горькой, суровой дѣйствительностью. Единственнымъ для нея утѣшеніемъ въ жизни осталась ея маленькая дочь, эрцгерцогиня Елизавета, которой она раньше почти не знала, и та полюбила ее всѣмъ пыломъ дѣтской души, нуждающейся въ материнскомъ уходѣ. Это сближеніе между матерью и дочерью не понравилось извѣстнымъ придворнымъ кругамъ. Стали поговаривать о томъ, что кронпринцъ Рудольфъ, въ періодъ, когда его отношенія къ супругѣ омрачились уже недоразумѣніями и ссорами, составилъ завѣщаніе, въ которомъ онъ, предусматривая близкую кончину, поручаетъ судьбу своей дочери своимъ царственнымъ родителямъ и умоляетъ, чтобы ей до достиженія полнаго совершеннолѣтія не позволяли надолго покинуть Австрію. Кронпринцъ Рудольфъ вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ въ завѣщаніи: „умоляю также, чтобы воспитаніе моя дочь получила не въ католическомъ монастырѣ“. Императоръ Францъ-Іосифъ горячо принялъ къ сердцу желаніе своего любимаго сына, лично позаботился о воспитаніи эрцгерцогини Елизаветы, но при этомъ считался также съ желаніями матери. Дочь обожала свою мать; по мѣрѣ того, какъ она росла и развивалась, умъ и способности ея крѣпли, и вскорѣ она, еще молодая дѣвушка, лѣтъ 14—15, пользовалась уже при дворѣ репутаціей чрезвычайно умной, знающей и свободомыслящей внучки императора Францъ-Іосифа. Кронпринцесса Стефанія—строгая католичка, дочь ея—вѣрующая христіанка.

Между матерью и дочерью никогда не было сказано ни одного слова о предстоящемъ бракосочетаніи съ графомъ Лоніаемъ. Дочь кронпринцессы, совершенно не подозрѣвая о будущей роли графа, питала къ нему отвращеніе, не могла слышать его имени и при этомъ вовсе не скрывала своихъ чувствъ къ нему. Кронпринцесса Стефанія, узнавъ отъ своего обергофмейстера, графа Голеніевскаго, что дочь ея избѣгаетъ встрѣчи съ графомъ Лоніаемъ, заподозрила, что кто-нибудь изъ придворныхъ успѣлъ уже сообщить эрцгерцогинѣ Елизаветѣ о планахъ ея матери. Тогда она рѣшилась объясниться съ дочерью.

— Отчего ты ненавидишь графа? — спросила однажды кронпринцесса свою дочь, въ присутствіи одной придворной дамы.

— Потому, что я ненавижу его — въ сердцахъ отвѣтила эрцгерцогиня.

— Ты ненавидишь его? Ты вѣдь не знакома съ нимъ, никогда съ нимъ не говорила... Или ты встрѣчала его?

— Нѣтъ, но онъ мнѣ противенъ, и я не хочу видѣть его.

— Но за что-же? Ужъ не наговорили-ли тебѣ про графа, Богъ знаетъ чего?

— Нѣтъ, мама милая, я сама не знаю, за что ненавижу графа, но я возненавидѣла его сразу, при первой встрѣчѣ съ нимъ, годъ тому назадъ; умоляю васъ, не говорите мнѣ про него.

Кронпринцесса, громко зарыдавъ, вышла изъ комнаты, и съ тѣхъ поръ отношенія между матерью и дочерью рѣзко измѣнились.

Прошло нѣкоторое время. Эрцгерцогиня Елизавета была объявлена совершеннолѣтней.

По желанію императора, кронпринцесса сама должна была посвятить дочь въ ея планъ замужества за графа Лоніая и въ то же время сообщить ей о предстоящей помолвкѣ самой эрцгерцогини Елизаветы съ герцогомъ Виртембергскимъ. Что произошло между матерью и дочерью во время объясненія, до сихъ поръ неизвѣстно никому. Кронпринцесса въ тотъ же вечеръ серьезно заболѣла, нѣсколько дней отъ нея нельзя было добиться ни одного слова, и только недѣлю спустя, оправившись, она сказала своей гофмейстеринѣ: „Я очень несчастна, хочу умереть и прошу возможно скорѣе устроить мою поѣздку въ Брюссель“.

Личное вмѣшательство императора Францъ-Іосифа въ дѣло сблизило снова мать съ дочерью, но было рѣшено, что со дня бракосочетанія кронпринцессы Стефаніи съ графомъ Лоніаемъ эрцгерцогиня Елизавета покинетъ Австрію, при чемъ мать теряетъ всѣ свои права на дочь и можетъ видѣться съ нею только при условіи, если та этого сама пожелаетъ. Отъ помолвки съ герцогомъ Виртембергскимъ эрцгерцогиня Елизавета наотрѣзъ отказалась и вскорѣ предприняла путешествіе, которое продолжится нѣсколько лѣтъ.

Женщины, какъ изобрѣтательницы.

Часто поднимался вопросъ, да способны-ли женщины вообще изобрѣсти что-либо дѣйствительно великое. Недавно этою темою увлекся одинъ французъ, по имени Невилль. Чтобы собрать матерьялъ, онъ произвелъ опросъ различныхъ лицъ. Результаты опроса помѣщены въ „Revue des Revues“. Предварительно они были провѣрены по спискамъ привиллегій, выданныхъ со стародавнихъ временъ во Франціи и Америкѣ. Первая половина нашего столѣтія не ознаменована ни однимъ сколько-нибудь важнымъ женскимъ изобрѣтеніемъ. Но съ того времени начинается ростъ числа привиллегій, выданныхъ женщинамъ. Конечно, большею частью, изобрѣтенія касались дамскаго туалета и предметовъ домашняго обихода. Попадаются курьезы: такъ, одна дама изобрѣла бинтъ для усовъ, другая - особую мужскую рубашку и т. д. Но попадается много и болѣе важныхъ изобрѣтеній. Въ настоящее время въ Америкѣ устроена выставка техническихъ новостей. На ней насчитывается до 125 моделей, и всѣ онѣ—работа женщинъ. Въ числѣ ихъ находимъ электрическія машины, паровозныя колеса, передаточные ремни и т. д. Французскія женщины гораздо менѣе изобрѣтательны и трудятся надъ менѣе серьезными вопросами, чѣмъ американки. Болѣе выдающимися, по словамъ Невилля, являются: карманная пишущая машина (?), гребенка съ автоматически дѣйствующимъ водянымъ душемъ; наконецъ, ароматическая зубочистка, обеззараживающая полость рта. Одна дама придумала спрессовывать изъ розовыхъ лепестковъ листы, въ родѣ табачныхъ, и свертывать изъ нихъ сигаретки. Что касается до другихъ изобрѣтеній француженокъ, то, подобно articles de Paris, они отличаются необыкновеннымъ изяществомъ.

Велосипедъ въ трансваальской войнѣ.

Читатели уже знаютъ, что въ трансваальской войнѣ былъ примѣненъ рядъ новостей военной техники. Реформы коснулись и способовъ передвиженія.

Рядъ телеграммъ съ театра войны сообщалъ о томъ, что англичане пускали по линіямъ желѣзныхъ дорогъ панцырные поѣзда. Эта новинка сослужила имъ большую службу: поѣзда подвозили орудія почти къ самой линіи огня. Солдаты чувствовали себя отлично, такъ какъ панцырь превосходно защищалъ ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Къ этимъ поѣздамъ было прикомандировано восемь велосипедовъ. Каждый изъ нихъ въ сущности состоитъ изъ 2-хъ велосипедовъ, крѣпко соединенныхъ между собою. Они были приспособлены для движенія по рельсамъ и устроены такъ, что возятъ не только 8 велосипедистовъ, но и еще десятка полтора—два солдатъ. Назначеніе велосипедовъ—служить для передачи донесеній и приказовъ по арміи. Буры также не преминули воспользоваться велосипедомъ. Онъ служитъ у нихъ для пересылки почты. Англичане для этой цѣли пользуются услугами туземцевъ, что разносятъ письма въ выдолбленныхъ палкахъ. Дѣло велосипедистовъ-почтальоновъ—весьма опасное, потому что англійской кавалеріи пришлось очень по душѣ охотиться за ними. Недавно, неподалеку отъ Моддеръ-Ривера, состоялась настоящая гонка между бурами-велосипедистами и англійскими уланами. Оба велосипедиста, спѣшившіе съ весьма важными депешами, были настигнуты вражескимъ патрулемъ. Кавалеристы начали съ того, что послали имъ вдогонку нѣсколько пуль, но промахнулись. Только одна изъ нихъ попала въ шляпу бура и сбила ее съ головы. Затѣмъ англичане принялись преслѣдовать буровъ. Гнались они ¾ часа, и все время буры прибавляли ходу, пока гонящіеся не донеслись до позиціи буровъ. Тутъ уже англичанамъ поневолѣ пришлось отстать.

Разскажемъ еще одинъ случай появленія велосипеда на полѣ сраженія. Дѣло это было еще до блокады Леди-Смита. Однажды генералъ Уайтъ выступилъ изъ города, чтобы выбить буровъ изъ позиціи при Рибфонтэнѣ. За войсками слѣдовала масса горожанъ, хотѣвшихъ полюбоваться издали на сраженіе. Между прочимъ, было много дамъ. Три изъ нихъ захватили съ собою велосипеды и отважно педалировали по всевозможнымъ направленіямъ, и, подъ конецъ, онѣ попали въ линію огня. Вдругъ неподалеку отъ нихъ падаетъ и разрывается граната. Онѣ такъ и свалились со стальныхъ коней. По счастью ни одна не была серьезно ранена; двѣ были только слегка оцарапаны. Оправившись отъ испуга, онѣ оглядѣли мѣсто, вскочили на машины и во всю мочь примчались къ своимъ.

Итакъ, велосипедъ оказался очень подходящимъ военнымъ средствомъ. Замѣчательно, что буры, отличные наѣздники, тѣмъ не менѣе пользуются велосипедомъ. Значитъ, есть у велосипеда что-то, ставящее его выше обыкновенной конной службы.

Начальникъ главнаго штаба бурской арміи, полковникъ Вильбуа-де-Морейль.

Читатели уже знакомы съ главными персонажами южно-африканской войны. Сегодня мы познакомимъ ихъ съ очень интереснымъ человѣкомъ, личность котораго до сихъ поръ стоитъ какъ-то въ тѣни, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему быть

душою бурской арміи. Рѣчь идетъ о начальникѣ ея главнаго штаба, полковникѣ Вильбуа-де-Морейль. Одна фамилія уже указываетъ, что ея владѣлецъ не голландецъ, а французъ. Де-Морейлю въ настоящее время уже 52 года; вся сознательная часть его жизни была посвящена военной службѣ. Кончивъ въ 1866 году курсъ военныхъ наукъ въ Сенъ-Сирской академіи, де-Морейль былъ назначенъ лейтенантомъ морской пѣхоты и сразу началъ свою дѣятельность участіемъ въ походѣ въ Кохинхину. Вскорѣ, однако, онъ переходитъ въ пѣшіе стрѣлки (во французской арміи сверхъ пѣхотныхъ, есть еще и конные егерскіе полки). Ко времени франко-прусской войны онъ уже имѣлъ чинъ капитана. Ему довелось служить въ Луарской арміи, и въ битвѣ подъ Блуа онъ былъ тяжело раненъ. Поневолѣ пришлось оставить службу въ строю и отдохнуть. Де-Морейль поступаетъ въ военное министерство съ чиномъ маіора. Но живая, неусидчивая натура солдата не давала ему покоя: скоро мы встрѣчаемъ его въ Алжирѣ... Затѣмъ онъ командуетъ послѣдовательно 130 полкомъ въ Майенѣ, 67-мъ въ—Суассонѣ и 1-мъ инородческимъ легіономъ — въ Сиди-Бель-Аббесѣ.

Шли годы. Де-Морейлю предстояла уже перспектива сдѣлаться генераломъ, командовать гдѣ-нибудь дивизіей и мирно окончить свои дни въ покоѣ и довольствѣ. Но вотъ, два года тому назадъ, де-Морейль выходитъ въ отставку. Что-же такое онъ представлялъ изъ себя въ пятьдесятъ лѣтъ? Человѣкъ онъ со средствами, занимаетъ видное общественное положеніе: онъ происходитъ изъ хорошей фамиліи, герой и всѣми уважаемый человѣкъ. Средній человѣкъ, навѣрное, довольствовался бы этимъ. Но не таковъ полковникъ де-Морейль. На склонѣ лѣтъ его снова потянуло на войну: въ старомъ воякѣ заговорила солдатская кровь. Но и не она одна. Онъ зналъ себѣ цѣну. Человѣкъ съ боевымъ прошлымъ и солидною военною подготовкою можетъ всюду принести огромную пользу. Неизвѣстно, руководили-ли имъ однѣ симпатіи къ бурамъ, или-же къ нимъ присоединилась ненависть къ англичанамъ, жажда мести за Египетъ, за Фашоду, — но вскорѣ уже послѣ начала военныхъ дѣйствій, де-Морейль переговорилъ съ Лейдсомъ и получилъ мѣсто начальника штаба у генерала Жубера. Быстро является онъ на театръ войны, планъ за планомъ вырабатывается имъ для главнокомандующаго. Изъ нихъ особенно удачнымъ оказался планъ битвы у Спіонскопа. Читателямъ уже извѣстно, что въ ней Уайтъ былъ разбитъ на голову и принужденъ отступить въ Леди-Смитъ. Въ сраженіи у Колензо полковникъ проявилъ необыкновенную храбрость и находчивость. Видно, онъ не только опытный теоретикъ-тактикъ, но и настоящій полководецъ: вся битва прошла подъ его руководствомъ, и буры одержали блестящую побѣду. Тогда трансваальскій исполнительный комитетъ постановилъ выразить ему благодарность. Это заявленіе было обнародовано въ „Фолькстемъ", оффиціальномъ органѣ трансваальскаго правительства. Въ настоящее время де-Морейль перенесъ свою дѣятельность въ сѣверную часть Капской колоніи, гдѣ скоро будутъ сосредоточены главныя силы англичанъ. Всѣ друзья буровъ отъ души пожелаютъ доблестному полковнику долго еще здравствовать на пользу угнетеннаго народа...

Томасъ Дальрой.

Время отъ времени въ музеяхъ показываютъ великановъ. Иногда ими заинтересовываются и серьезные ученые. Такъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, профессоръ Вирховъ осматривалъ одного великана, уроженца Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время въ Берлинѣ показывается за деньги чудное pendant къ гиганту-янки. Зрители видятъ предъ собою отлично сложеннаго человѣка, въ красивой ярко-красной формѣ королевской англійской конной гвардіи. Имя этого „рослаго" человѣка—Томасъ Дальрой; родомъ онъ англичанинъ и состоитъ, какъ мы уже указали, въ военной службѣ. Ростъ его—3 арш. 4 верш., вѣсъ 8½ пудовъ. Для такого роста вѣсъ вовсе не великъ... Въ настоящее время ему 45 лѣтъ. Шесть лѣтъ онъ прослужилъ въ Египтѣ и участвовалъ, между прочимъ, въ битвѣ у Шельэль-Кебиръ и обнаружилъ немалую отвагу. За это онъ былъ удостоенъ королевской благодарности, которою до сихъ поръ хвастается. Онъ женатъ, и жена его, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ,—чуть не карлица. Ея макушка еле хватаетъ до нижней пуговицы на сюртукѣ мужа.

На нашемъ рисункѣ Дальрой изображенъ рядомъ со своей супругой. Читатель легко можетъ представить себѣ этого гиганта, если приметъ въ разсчетъ, что миссисъ Дальрой имѣетъ ростъ въ 2 арш. 1 верш. Это значитъ, что если бы съ Дальроемъ поставить рядомъ человѣка средняго роста, то онъ пришелся бы гиганту не выше, какъ по грудь. Когда Дальрой вытягиваетъ руку въ горизонтальномъ направленіи, то немногіе, проходя подъ нею, задѣваютъ ее головою.

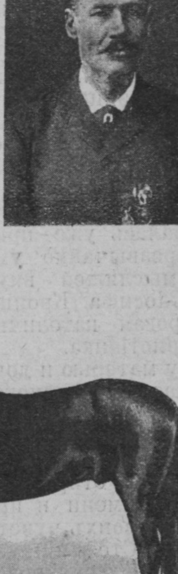
„Залихватскій".

(Побѣдитель „Императорскаго" приза на Семеновскомъ ипподромѣ въ Спб. 30 января 1900 года).

„Залихватскій" родился въ 1893 году отъ „Обидчика" и „Подруги" въ заводѣ княжны Анны Сергѣевны Голицыной и ей же принадлежитъ и теперь. Началъ онъ свою бѣговую карьеру удачно, выигравъ спеціальный призъ въ память графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, установленный для жеребцовъ и кобылъ пяти лѣтъ „чистыхъ въ русской рысистой породѣ" и нигдѣ и ни на какіе призы до сего дня не бѣжавшихъ, Это было 23 декабря 1897 года.

Послѣ этого онъ выступалъ довольно рѣдко, но почти всякій разъ оставался съ платнымъ мѣстомъ. Бѣгъ его 13 января 1900 года, когда онъ на 2 класса перескочилъ во внѣклассные рысаки, обѣщалъ ему много шансовъ, что онъ и въ „Императорскомъ" призѣ не останется безъ мѣста.

И, не смотря на участіе лучшихъ силъ старшаго возраста, самыхъ извѣстныхъ бойцовъ ипподрома, „Залихватскій" показалъ силу, выносливость и рѣзвость. Четыре версты съ хода, неся вѣсъ въ 7 пуд. 10 фун., онъ прошелъ въ 6 м. 37 с., съ такою рѣзвостью, какой до него никто не дѣлалъ на этой дистанціи. Изъ остальныхъ шести рысаковъ только два попали къ нему во флагъ, который былъ установленъ въ девять секундъ. Изъ „Императорскаго" приза онъ заработалъ своей владѣлицѣ-заводчицѣ 12,040 руб., въ томъ числѣ кубокъ въ 500 р. и двѣ золотыхъ медали, по 200 руб. каждая.



Не мало своей славой „Залихватскій" обязанъ наѣзднику, старику П. Полянскому. Онъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ старыхъ наѣздниковъ. Ему уже за 70 лѣтъ. Но онъ бодръ и еще прекрасно тренируетъ и выѣзжаетъ рысаковъ и выигралъ „Императорскій" призъ, что составляетъ завѣтную мечту каждаго наѣздника. Публика и собратья его, наѣздники, устроили П. Полянскому бурную овацію.

До сего дня „Залихватскій" выигралъ 24,541 руб.

Но карьера его еще впереди, и въ рукахъ П. Полянскаго онъ еще не мало заработаетъ и денегъ, и славы.

Редакторъ I. I. Ясинскій. Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., собств. домъ № 25. Издатель С. М. Проппѣръ.